

НЕ НАУКОЙ ЕДИНОЙ...

И. И. МОЧАЛОВ

Черты ученого и человека

ЖИЗНЕННАЯ ПРОГРАММА

<...> Начало и середина 80-х годов XIX в. представляют собой, как это впоследствии неоднократно отмечал сам В. И. Вернадский, чрезвычайно важный период в его жизни. Это были годы, когда в тесном общении с близкими по духу членами небольшого студенческого кружка — Братства, в общении с друзьями и родными, учителями и старшими товарищами формировался духовный облик естествоиспытателя, вырабатывались такие нравственные идеалы, которые впоследствии во многом определили направление его научного творчества и общественной деятельности.

Концентрированное и глубокое выражение эти нравственные воззрения получили в обобщенном этическом идеале, который Вернадский в одном из своих писем 1886 г. назвал «идеалом личной святости». Это понятие у него имело глубоко земной и гуманистический смысл. Поясняя его, молодой тогда, двадцатитрехлетний ученый писал, что он видит его в том, чтобы сделать возможно больше хорошего, честного, высокого; чтобы, умирая, можно было сказать: «Я сделал все, что мог сделать. Я не сделал никого несчастным. Я постарался, чтобы после моей смерти к той же цели на мое место стало таких же, нет — лучших работников, чем каким был я»*.

Этот нравственный идеал не был чем-то случайным для Вернадского. Его формирование было обусловлено рядом причин как объективного, так и субъективного характера. Общественно-политическая обстановка того времени, народническое дви-

---

* Письмо к Н. Е. Вернадской 6 августа 1886 г.

жение, горячие споры вокруг этических поисков Л. Н. Толстого, влияние которого определило многие черты моральной концепции Вернадского, размышления самого ученого о смысле жизни и своем призвании, о характере и общем направлении своего научного творчества, о судьбах человечества, о своем месте в жизни общества, о выработке своего научного мировоззрения и о своем отношении к духовной культуре, о формировании своего характера и всего стиля жизни и т. д. — все это толкало мысль молодого ученого на выработку определенной жизненной программы.

Обращаясь к дневниковым записям молодого Вернадского, можно твердо установить, что такая развернутая жизненная программа вырабатывается им уже к 1884 г. Он набрасывает основные контуры ее. «Я, например, нахожу, что наибольшей возможностью ставить жизнь по-своему или, вернее сказать, быть в ней самостоятельным — я буду обладать, когда буду возможно могущественнее умом, знаниями, талантами, когда мой ум будет наивозможно разнообразно занят... Итак, необходимо приобрести знания, развить ум... Первое дело:

1) Выработка характера. Преимущественно следует: откровенность, не боязнь высказывать и защищать свое мнение, отброс ложного стыда, не боязнь доводить до конца свои воззрения, самостоятельность. Выработка речи.

2) Образование ума: а) Знакомство с философией. б) Знакомство с математикой, музыкой, искусствами etc.

Задача человека заключается в доставлении наивозможной пользы окружающим. (Я написал «задача», но понимаю под этим словом не то, что предначертано каким-то «вседержителем неба и земли», явившимся из человеческой фантазии и никогда *de facto* не существовавшим, а то, что выработает каждый человек из более или менее продуманного и сознательного отношения к окружающему.) Наряду с этим нельзя забывать, что жизнь человека кончается с тем, что называют иногда “временной, земной”, и что здесь, в этой жизни, он должен достигнуть возможно большего счастья. Такое состоит как в умственном и художественном кругозоре, так и в материальной обеспеченности; умственный кругозор — наука; художественный — изящные искусства, поэзия, музыка, живопись, скульптура и даже религия — мир человеческой фантазии, мир идеалов и самых приятных снов; материальная обеспеченность — необходима в меньшей степени, так как ее удовольствия, по грубости, отходят на второй план, но необходимость их слишком чувствительна и без нее обойтись нельзя и незачем.

Всего этого достигает человек — только благодаря крови, страданию поколений до нас и сотен тысяч людей в наше время. Как для того, чтобы это не отравляло радостей, так и для того, чтобы достигнуть наивысшего удовольствия, так и для того, чтобы другие, плоть от плоти и кровь от крови нашей, могли достигнуть удовольствия после нас — необходимо работать над поднятием и улучшением, над развитием человечества»*.

Одним из могущественных средств достижения этих целей Вернадский считает науку, которая «доставляет сама такое обширное удовольствие, приносит такую большую пользу, что можно было бы, казалось, остаться деятелем одной чистой науки. Это было бы приятнее. Но так оно было бы, если бы можно было заставить себя не [выходить] за пределы узкого круга специальности. Когда теряется мировоззрение, с ним [теряется] высшее, осмысленное удовольствие, доставляемое наукой, и остаются отдельные микроскопические радости. Чувство долга и стремление к идеалу завладевают человеком, смотрящим на науку обширным взглядом, а не взглядом специалиста, не видящего ничего за пределами своей специальности и мнящего себя ученым»**.

«ДУШЕВНАЯ ЧИСТОТА»

Чрезвычайно высоко ценил В. И. Вернадский в человеке «искренность его жизни, целостность его духовной личности»*** — черты, созданию которых, по его мнению, в очень значительной степени способствует научная работа. Именно наука, приучая человека к объективности, точности суждений, вырабатывает у него искренность, «душевную чистоту мысли»****. Важно, чтобы ученый говорил то, что он думает, чтобы «слово не расходилось с убеждением». Ученый должен быть принципиальным, не идти ни на трусливые соглашения с окружающим, ни на нечестные сделки со своей совестью. Все эти качества в высшей степени были присущи и самому Вернадскому.

Необходимым условием искренности, «душевной чистоты» мысли является ее свобода. Всю свою жизнь Вернадский настойчиво боролся за это, энергично протестуя против всяких,

* Дневниковые записи. 1884.

** Там же.

*** Вернадский В. И. Очерки и речи. Пг., 1922. Вып. II. С. 96.

**** Письмо к Н.Е. Вернадской 5 сентября 1890 г.

больших и малых, стеснений свободы творчества, не соблазняясь никакими компромиссами, а подчиняясь лишь голосу своего внутреннего убеждения. «Так важно, — говорил он, — чтобы человек *свободно* жил в мире идеалов»*.

Вот характерная запись в дневнике, относящаяся к 1891 г.: «Необходима свобода мысли в самом человеке. Отсутствие искренности в *мысли* страшно чувствуется в нашем обществе»**. «Право свободы мысли, — писал много лет спустя ученый, — для меня представляет одно из необходимейших условий нормальной жизни, с отсутствием чего я никогда не мог примириться»***.

В научном творчестве самого Вернадского это требование свободы мысли реализовалось в четком осознании ученым в каждом конкретном случае реальной сложности исследуемого объекта и в невозможности поэтому прийти к каким-либо раз и навсегда установленным положениям. Как справедливо отмечает А. П. Виноградов, Вернадский «никогда не придавал своим утверждениям характера догмы». Он неоднократно возвращался к одним и тем же вопросам и «освещал их часто по-разному, как в этом можно убедиться при изучении всех его произведений»****.

Если без свободы невозможна «искренность мысли», то, в свою очередь, без искренности мысли невозможна ее цельность. Эти понятия Вернадский ставит рядом. В 1890 г. он пишет жене: «...Не в массе приобретенных знаний заключается красота и мощь умственной деятельности, даже не в их систематичности, а в искреннем, ярком искании... И масса удержанных умом фактов, и систематичность познанных данных — ученическая работа, она не может удовлетворить свободную мысль. Я лично думаю, что систематичность даже невольно ограничивает мысль. А искренность, цельность искания у тебя так сильна, как редко у кого, и это та сторона, которая наиболее живо и плодотворно действует на окружающих. Это чистая атмосфера, сопровождающая человеческую личность... У человека с таким настроением и чувством силы идеи всегда является недовольство собой...»*****

* Письмо к Н.Е. Вернадской 4 августа 1888 г.

** Дневниковые записи, 1890—1894.

*** Письмо к Н. Г. Садчикову, 4 мая 1942 г. См. также: *Мочалов И. И.* Письма Н. И. Вавилова к В. И. Вернадскому // *Генетика*. 1966. № 8. С. 142—143.

**** *Виноградов А. П.* От редактора // В. И. Вернадский. Избранные сочинения. М., 1954. Т. 1. С. 7.

***** Письмо к Н. Е. Вернадской 18 сентября 1890 г.

ЦЕЛОСТНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

При ознакомлении с научным творчеством В. И. Вернадского в зрелом его возрасте, приходящемся на текущее столетие, в глаза, естественно, бросается прежде всего грандиозность и глубина, масштабность, разнообразие достигнутых им результатов. Можно говорить о трех относительно самостоятельных, но взаимно связанных и последовательно переходящих друг в друга фазах творческой эволюции ученого.

1. *80-е годы.* Время выдвижения новых проблемных замыслов. Знакомясь с этим периодом (в особенности по дневниковым записям и письмам), поражаешься исключительному богатству идей молодого ученого, в которых мы находим предвосхищение фактически всех основных линий его последующего научного творчества в области генетической минералогии, геохимии, биогеохимии.

2. *90-е—начало 900-х годов.* Развертывание научных идей до уровня развитых проблем и подход к решению последних. Выдвижение новых идей, постановка новых проблем.

3. *900-е и последующие годы.* Решение развитых ранее научных проблем (в первую очередь в области минералогии, геохимии, биогеохимии), постановка в рамках вновь создаваемых научных дисциплин новых частных проблем, детализирующих исходные, и их решение; выдвижение принципиально новых научных проблем, приводящих либо к возникновению неизвестных ранее научных дисциплин (например, радиогеологии), либо намечающих новые области знания со свойственными им специфическими проблемами и особыми путями их решения (например, радиогеологии, метеоритики, учения о ноосфере и т. д.).

Такова внутренняя дифференцированность и в то же время удивительная гармоничность научной деятельности Вернадского, нередко проявлявшаяся как «внешняя» интегральная сила, функционировавшая отчасти подсознательно, помимо его воли и понимания. Пересматривая свои старые записи, он отмечал: «Я вижу, что целый ряд мыслей, которые кажутся мне новыми, уже долгие годы мною охватывались... Удивительно, как забывается, и, с другой стороны, “забываться” есть процесс, не отвечающий реальному содержанию личности»*.

* Мысли, 1920—1931.

ЧУВСТВО ПРИРОДЫ

Через всю жизнь Вернадского проходит любовь к природе, удивительно целостное ее восприятие. Перед его взором натуралиста природа представала в единстве многообразия ее проявлений. Отсюда — стремление Вернадского к познанию самых мельчайших и на первый взгляд, казалось бы, совершенно несущественных деталей природных явлений, отсюда же и глубоко поэтическое, одухотворенное восприятие природы в целом.

В своем творчестве он неразрывно соединял природу и человека, сливал их вместе, — и себя самого не мысля отдельно от природы. «Натуралист не противопоставляет человека природе как чему-то враждебному и чуждому. Натуралист вписывает человека в природу как своеобразную часть ее. И, наоборот, исходя из природы, настоящий натуралист не может оставаться равнодушным к человеку. Общение с природой создает человека с большой буквы. Таким Человеком, всегда доброжелательным и внимательным к человечеству в целом и к каждому из тех, с кем он встречался, горячо любящим Родину, всегда был В. И. Вернадский» *. Поэтизация природы, понимание и переживание связи ее с человеком, стремление поставить ее силы на службу человеку — все это рано проявилось в творчестве Вернадского. <...>

Вернадского манила к себе и глубоко волновала безбрежная даль степей, лесов, морей. Оставаясь наедине с природой, он оставался наедине с собой, беседуя с природой, он беседовал с собой. Спокойному, неторопливому течению его мыслей более гармонировали мягкие, неяркие краски, надвигающиеся сумерки вечера, неслышное движение ветра...

В процессе общения с природой, переживания ее, чувства ее красоты и поэтичности мысль ученого часто работала с особой интенсивностью и глубиной. «Когда идешь по красивой местности, — читаем в одном из писем Вернадского, — и когда стараешься отгадать, заметить основные черты ее жизни, то быстро в уме пробегают картины былого, иногда удивительно ясно, но всегда мгновенно. Часто они так быстры, что бессознательны. Остается лишь впечатление, что они были, чувство или память интенсивного наслаждения, а самих сознание не заметило» **. <...>

* *Флоренский К. П.* В. И. Вернадский — натуралист, естествоиспытатель // Бюл. МОИП. Отд. геол. 1963. № 3. С. 119¹.

** Письмо к Н. Е. Вернадской 28 августа 1894 г.

При первом знакомстве все кажется ясным в жизни ученого: он пишет научные труды, встречается со своими коллегами и учениками, выезжает в заграничные командировки, участвует в различных экспедициях, выступает на научных съездах и конференциях, руководит научными институтами, комиссиями, лабораториями... Но за всем этим скрывается глубокая внутренняя жизнь мыслителя.

Одиннадцатилетним мальчиком Вернадский делает первые записи в своем «Дневнике» и затем на протяжении 70 лет почти из года в год поверяет ему свои самые сокровенные думы... Регулярно, находясь в разлуке, он пишет письма своей жене, дочери, сыну, близким своим друзьям — А. Н. Краснову, И. М. Гревсу, С. Ф. Ольденбургу, Д. И. Шаховскому и др. По их проникновенности в свой собственный духовный мир, интимности размышлений по самым сокровенным — вечным и «больным» — вопросам, эти письма нередко могут быть поставлены на один уровень с дневниковыми записями ученого... И однако ничто из запечатленного пером, из «мыслей изреченных» не может сравниться с теми мгновениями, когда Вернадский остается наедине с собой, когда ничто не препятствует свободному полету его раздумий, мечтаний и фантазии.

Однако самоуглубленность никогда не была для ученого чем-то исключительным, исчерпывающим до конца все многообразие его творчества и жизненных связей. Эгоцентризм был полностью чужд этому человеку. Он никогда не замыкался в себе самом.

Вернадскому был свойствен глубокий интерес к крупным социальным явлениям, вовлекавшим в свою орбиту большие массы людей и выдающихся личностей, к разнообразным явлениям науки, искусства, литературы, философии...

Ученый постоянно искал соответствующих форм выражения для своих раздумий над различными естественно-научными и философскими вопросами. Он ярко сознавал и переживал противоречие, существующее между неисчерпаемой сущностью природы и более или менее адекватно соответствующими ей глубинными процессами мышления исследователя, часто им самим не осознаваемыми, интуитивными, с одной стороны, ограниченными языковыми средствами их выражения — с другой*.

Через всю жизнь В. И. Вернадского проходят неустанные поиски таких словесных образов, которые могли бы с максимальной точностью и полнотой отобразить реальность, выразить

* См.: *Вернадский В. И. Избранные сочинения. Т. 1. С. 293—294.*

то, что он передумал, пережил, почувствовал. «Удивительно, — писал он, — как трудно передать ясно другим свою мысль. Я встречаюсь с этим постоянно, и только отчасти это связано с тем, что я не могу передать свою мысль нужными словами. Непрерывно вспоминаю чудный образ Тютчева: “Мысль изреченная есть ложь”»*.

Язык работ Вернадского отличается лаконичностью, по возможности почти полным устранением не относящихся к сути вопроса рассуждений и прочих словесных излишеств. С течением времени, в ходе постановки и решения все более сложных научных проблем, эти особенности научного стиля ученого становились ярче и выпуклей. Такие труды периода 30–40-х годов, как «Проблема времени в современной науке», «Изучение явлений жизни и новая физика», «Проблемы биогеохимии», «Несколько слов о ноосфере» и другие, отличаются, наряду с глубиной мысли, многообразием рассматриваемых проблем и предельной лаконичностью изложения. Как никто другой, Вернадский прекрасно видел у любой исследуемой им научной проблемы многочисленные связи и отношения и стремился охватить как можно большее число таких связей, необходимых для ее понимания и решения. Лаконизм его работ приближался к математическим сочинениям.

Эту особенность научного стиля Вернадского подчеркнул выдающийся советский математик Н. Н. Лузин. Так, по поводу 4-го выпуска «Проблем биогеохимии» (о правизне–левизне) он писал Вернадскому: «Работа изумительна по содержанию и столь сжато конденсирована и насыщена новыми идеями, что она уподобляется труднейшим, по сжатости, математическим работам. Ее я читал много дней»**. Характеризуя стиль научных трудов Вернадского, А. М. Фокин писал: «Мы восхищаемся кипучим и колоритным языком Ферсмана, вызывающим в нас живую эстетическую реакцию, и по сравнению с ним язык Вернадского может показаться бледным, но это только первое впечатление. Всмотритесь внимательней. “Геохимия” и “Пегматиты” Ферсмана, его этюды и “История камня” — это красочные полотна, а труды Вернадского можно сравнить с гравюрами большого мастера — на них мы долго смотрим, не отрывая глаз, и находим все новые и новые линии»***.

* Мысли, 1920—1931.

** Лузин Н. Н. Письмо к В. И. Вернадскому 30 октября 1940 г.

*** Фокин А. М. Некоторые черты характера и научного облика В. И. Вернадского // Воспоминания о В. И. Вернадском (к 100-летию со дня рождения). М., 1963. С. 20².

ВЕРА В НАУКУ

В. И. Вернадского глубоко интересовали те специфические качества ученого, которые составляют его своеобразие как личности и определяют успех его творческой деятельности. Эти качества, в его понимании, крайне многообразны и сугубо индивидуальны для каждого научного работника. Но некоторым из них он, в силу их типичности, придавал особое значение, тем более что именно в нем самом как ученом и мыслителе они получили наиболее яркое и живое воплощение. Это — вера в науку в сочетании с тем, что он именовал «научным интересом», а также «научной одержимостью» и волей.

Отдав всю свою жизнь науке, Вернадский уже с юношеских лет был полон пылкой веры в безграничную мощь человеческого разума, страстно ратовал за его свободу. В одном из его писем 1890 г. к жене читаем: «Какие прекрасные есть страницы у Тацита о преследовании мысли. Я горячо хочу, чтобы ты прочла его “Анналы”... Он говорит об этом в целом ряде мест, и та вера, глубокая, страстная вера в то, что мысль возьмет свое, что она вырастет среди преследований, что она не погибает (он говорит о свободе: «Мы забыли бы о ней, если бы в нашей власти было забыть, как в нашей власти молчать!»), — эта вера среди самых сильных гонений, среди слабости средств распространения и хранения мысли и круга ее влияния, почти 2000 лет назад, — эта вера теперь действует сильно, ободряюще, отрезвляюще. Теперь мысль — сила, и ничто не остановит ее, если будет вера... Смело, страстно — вперед!» *

Вернадский сознательно воспитывал в себе веру в силу познания, обращаясь к произведениям классиков науки, приходя самостоятельно к ряду выдающихся научных открытий, занимаясь колоссальной научно-организационной работой и проблемами практического приложения научных достижений, внимательно следя за успехами науки своего времени, пророчески намечая пути ее дальнейшего развития... И в зрелые годы ему была свойственна мудрая и спокойная уверенность в непреодолимой мощи науки, уверенность, которую он и в периоды самых тяжелых испытаний умел вселять в других. «Нет ничего в мире сильнее свободной научной мысли!» ** — этому девизу Вернадский следовал всю свою жизнь. <...>

* Письмо к Н. Е. Вернадской 4 августа 1890 г.

** Вернадский В. И. Очерки и речи. Вып. II. С. II.

«НАУЧНАЯ ОДЕРЖИМОСТЬ»

Эмоционально глубокое стремление к познанию еще неизвестного, непознанного, сочетающееся с осознанием ученым своего призвания, своего долга перед самим собой и наукой, проявляется в том своеобразном и чрезвычайно ценном качестве всякого подлинного ученого, которое обычно называют «научной одержимостью».

Всю жизнь она владела Вернадским, и в его письмах и дневниках мы находим множество ярких описаний этого чувства. «...Я вполне сознаю, — писал он, например, в 1887 г., — что я могу увлечься ложным, обманчивым, пойти по пути, который заведет меня в дебри; но я не могу не идти по нему; мне ненавистны всякие оковы моей мысли, я не могу и не хочу заставить ее идти по дорожке, практически важной, но такой, которая не позволит мне хоть несколько более понять те вопросы, которые мучают меня... Нет ничего сильнее желания познания, силы сомнения... Когда при знании фактов доходишь до вопросов: “почему — отчего”, — их непременно надо разъяснить — разъяснить во что бы то ни стало, найти решение их, каково бы оно ни было. И это искание, это стремление есть основа всякой ученой деятельности; это только позволит не сделаться какой-нибудь ученой крысой, роющейся среди всякого книжного хлама и сора; это только заставляет вполне жить, страдать и радоваться среди ученых работ, среди ученых вопросов; ищешь правды, и я вполне чувствую, что могу умереть, могу сгореть, ища ее, но мне важно найти, и если не найти, то стремиться найти ее, эту правду, как бы горька, призрачна и скверна она ни была»*.

Жизнь самого В. И. Вернадского — наилучшее тому свидетельство. Только благодаря «научной одержимости» вся творческая деятельность его предстает как постоянное движение вперед к разрешению все новых загадок и проблем, как неуклонное стремление к истине, ни на минуту не прекращающиеся поиски нового. «Жизнь шла в непрерывной работе, — писал о себе ученый. — В новых открытиях и среди новых вопросов шла вся моя жизнь, постоянно стремясь вперед. А вопросов и задач, все более крупных, являлось все больше»**.

Одна из характернейших черт научного творчества В. И. Вернадского, всего его облика ученого и мыслителя — критическое

* Письмо к Н. Е. Вернадской 2 июня 1887 г.

** Дневниковые записи. 1919—1921.

отношение к тем или иным устоявшимся положениям и теориям. В этом, конечно, нет ничего удивительного — напротив, было бы странно, если бы это было не так, потому что тогда Вернадский никогда не стал бы выдающимся ученым, прокладывающим в науке новые пути.

Вернадский, однако, понимал, что проявление сомнения, так же как и интереса, в научном творчестве внутренне противоречиво. Плохо, когда у ученого отсутствует — или слабо развито — критическое отношение к уже установившимся и, казалось бы, очевидным научным положениям, но не лучше обстоит дело и тогда, когда этот скепсис становится чрезмерным, так как возникает реальная опасность отбросить — вместе с не соответствующими действительности положениями — и достигнутые наукой объективно истинные результаты. «Сомнение — великая сила, — писал по этому поводу Вернадский, — сомнение вызвало и создало то могучее, чудное знание, которое еще так мало доступно большинству человечества. Но иной раз оно страшно тяжело ложится на отдельных лиц. Иной раз оно доставляет невыразимое удовольствие, но в другие минуты, когда беспощадно анализирует все созданные идеалы, когда всюду и везде все колеблет, оно давит, оно мучит... Наука должна дать такую цель, которая бы вполне удовлетворяла скептический ум, чтобы сомнение свободно здесь гуляло, а цель оставалась» *. В научном творчестве «важно... не включить чего-нибудь такого, что вскоре должно быть вычеркнуто, и не пропустить чего-нибудь основного из-за лишнего скепсиса» **.

УСТРЕМЛЕННОСТЬ В БУДУЩЕЕ

Каких бы вопросов ни касался Вернадский, он неизменно стремился наметить пути их эволюции, предугадать судьбу как отдельных проблем, так и целых научных дисциплин. Именно благодаря этому исключительному по своей остроте чувству нового ему удалось сыграть в истории науки столь новаторскую роль, создать новые научные школы и направления с большими потенциальными возможностями их дальнейшего развития. «Так гениально заглядывать в будущее науки, — писал А. А. Сауков, — как это делал В. И. Вернадский, дано далеко не многим. Поэтому к его выводам, даже если они на первый

* Письмо к Н. Е. Вернадской 3 июня 1886 г.

** *Вернадский В. И.* Избранные сочинения. Т. 1. С. 556.

взгляд кажутся и неожиданными, следует относиться с большим вниманием... Прошедшие после смерти В. И. Вернадского годы бурного развития науки, связанного с коренной ломкой многих привычных ее основ, не разрушили созданных им научных представлений, а лишь еще более подтвердили их справедливость» *. Эта коренная черта творческого облика Вернадского отмечалась не только его учениками и сотрудниками, но и людьми, которые хотя и не являлись специалистами в сфере его научных интересов, однако в ходе дружеских бесед и переписки с ученым смогли проникнуть во внутреннюю лабораторию его творческой мысли, уловить если и не подробности деятельности этой лаборатории, то, по крайней мере, почувствовать глубоко присущий ей созидательный дух, динамизм, новаторство.

Так, в 30–40-е годы Вернадский часто делился своими творческими планами с Н. Н. Лузиным, встречая со стороны последнего глубокое понимание. «Я все больше и больше убеждаюсь в том, — читаем мы в одном из его писем Вернадскому, — что основные линии Ваших научных целей и целей некоторых чисто математических работ — совпадают. В математическом анализе, по-видимому, предстоят существенные перемены. Математический анализ есть просто наука о бесконечном. И как всякая истинная наука — он не есть догма, но живет своей собственной жизнью, как физика и химия, но только страшно замедленной. Очень доволен, что Вам удастся консультироваться с академиками Бернштейном и Мандельштамом: это прекрасные математики и их мнения вполне авторитетны для текущего отрезка времени научной жизни. Но все дело в том, что Ваша-то работа не укладывается в него, как и работа некоторых чистых математиков — Бореля и других, смотрящих очень далеко и не склонных игнорировать интересы момента» **.

САМОКРИТИЧНОСТЬ

Постоянное «недовольство собой», неудовлетворенность достигнутым, стремление ко все большему и в научном творчестве, и в жизни были для В. И. Вернадского чрезвычайно ха-

* Сауков А. А. Владимир Иванович Вернадский // Бюл. МОИП. Отд. геол. 1963. № 3. С. 107, 110.

** Лузин Н. Н. Письмо к В. И. Вернадскому 7 декабря 1942 г. См. также: Мочалов И. И. Из рукописного наследия В. И. Вернадского // Вопросы философии. 1966. № 12. С. 101, 111—112.

рактарны. Никогда не придавая тем или иным своим научным выводам и положениям законченного, догматического характера (хотя отнюдь и не отрицая наличия в науке абсолютных истин), Вернадский оставлял открытой дверь для любой научно доказательной и аргументированной критики своей точки зрения. Более того, иногда он сам же как бы вызывал огонь на себя, в ряде случаев оговаривая те или иные свои суждения, подчеркивая их вероятную ошибочность или спорность. В наследии Вернадского (особенно в его письмах), можно встретить, например, такие оговорки: «Может быть, я ошибаюсь», «этот вопрос является спорным», «прошу поправить меня, если я ошибаюсь», «здесь много еще неясного», и т. п.

Однако никто не был таким строгим и придирчивым критиком Вернадского, как он сам. Для него была весьма типична «без сознания идущая самокритика»*, которая не только стимулировала его научное творчество, но и предохраняла от поспешных, слабо обоснованных фактических выводов, направляя его внимание на изучение проблемы во всех ее мельчайших деталях. В характере Вернадского эта критическая и самокритическая склонность сформировалась в общем сравнительно рано. «Мне иногда, — писал он в 1894 г., — даже как-то любопытно подвергать свое и чужое суждение критике и соображать, что здесь действительно основывается на знании, а что на привычке: ибо и я, и все кругом очень многим удовлетворяемся и говорим, что знаем, если сумеем выразить это в формах и образах обычных научных представлений, хотя по существу все это было бы карточным домиком»**.

Самокритичное отношение Вернадского к своему научному творчеству с особой остротой проявлялось в те периоды, когда в его сознании происходил напряженный поиск путей решения поставленных проблем, когда приходилось многое отбрасывать прочь, пересматривать однажды полученные результаты и т. п. Эта самокритика принимала нередко эмоционально обостренные и даже кризисные в психологическом смысле черты — всего, пожалуй, интенсивней в 80–90-е годы, когда шло общее становление Вернадского как ученого, — и направлялась она не столько на те или иные детали творческой деятельности, а на личность ученого в целом, обретая тем самым яркое этическое содержание. Так, в 1895 г. он писал: «У меня в это время прорвалась долго сдерживаемая, беспощадная, настоящая критика самого

* Письмо к Н. Е. Вернадской 8 февраля 1894 г.

** Письмо к Н. Е. Вернадской 3 июня 1894 г.

себя, всех последних лет моей жизни. И больно встает передо мной эта жизнь с ее неумением настоящей идейной деятельности, с ее излишними компромиссами, со слабостью моего ума, с мелким пошибом моего знания и отсутствием характера... Было какое-то во многом барское времяпровождение, и в конце концов не было ни серьезной работы мысли, ни настоящих усилий воли»*. «Я был все это время советчиком, наблюдателем, пассивно стойким человеком — мысль моя работала, но борцом, но активным, деятельным лицом я не был... Считаю большим своим недостатком отсутствие личного честолюбия... Мне кажется, что отсутствие активности отражается на силе моей мысли, а эта сторона для меня слишком дорога»**.

Однако самокритичное, можно сказать более, порой и самоуничижительное отношение Вернадского к результатам своего творчества не оставляет его и в последующие периоды. Так, в 1920 г., подводя итоги собственной многолетней деятельности, он пишет: «Я поставил себе вопрос о моем положении как ученого. Я ясно сознаю, что создал меньше, чем мог»***. Характерен для него и такой факт. В начале 30-х годов он заключает с одним из издательств договор на издание книги «Газовый режим Земли», но не возобновляет его. Несколько лет спустя он объясняет причину этого: «Сейчас я очень рад, что удержался от опубликования слагавшихся представлений, так как вижу сейчас гораздо глубже»****.

Вернадский был против «спешности писания» научных трудов. «По опыту думаю, — отмечал он, — что всегда такое изложение надо переделать несколько раз, прежде чем оно выльется в нужную форму»*****. После выхода очередного издания «Очерков геохимии» он писал: «Как почти всегда, я испытываю большое неудовлетворение, читая свою книгу в печати, и теперь я совсем бы ее переделал»^{6*}.

СКРОМНОСТЬ

И как человеку, и как ученому, Вернадскому всегда была присуща большая скромность, что единодушно отмечается всеми,

* Письмо к Н. Е. Вернадской 15 мая 1895 г.

** Письмо к Н. Е. Вернадской 21 мая 1895 г.

*** Дневниковые записи. 1919—1921.

**** Письмо к Б. Л. Личкову 29 марта 1935 г.

***** Письмо к Б. Л. Личкову 12 января 1935 г.

^{6*} Письмо к Б. Л. Личкову 25 января 1935 г.

кто когда-либо встречался с ним. Вызывалось это, конечно, не тем, что ученый не понимал своей действительной роли в развитии естествознания, — просто он не привык отделять себя и свое творчество от того великого и могучего целого, которое зовется Наукой, рассматривая результаты собственной научной работы лишь как малую частичку этого целого.

Уже в старости Вернадский писал Л. С. Бергу: «Я думаю, что Вы преувеличиваете значимость моих достижений больше, чем они в действительности есть. Но в то же время я рад был бы ошибиться...» * Вот почему, оставаясь наедине с собой, он совершенно искренне признавался: «Всегда меня смущает, когда проявляется отношение ко мне как к какой-то особой величине со стороны лиц старше меня или сверстников...» ** Отсюда его нелюбовь ко всякого рода публичным в его адрес чествованиям и, вообще, к различным парадным торжествам. «Мне очень тяжела, — говорил он, — и не по моему характеру всякая торжественность» ***.

В 1936 г. научная общественность отмечала 50-летие научной деятельности В. И. Вернадского. Академия наук издала два тома статей его учеников и сотрудников, посвященных обоснованию и дальнейшему развитию идей Вернадского либо разработке проблем в смежных областях науки³. Ученый был тронут этим вниманием, но к самому юбилею отнесся равнодушно. «Юбилея я “праздновать” не собирался и не собираюсь», — писал он по этому поводу ****. — «Сборник, мне посвященный, — без моего ведома. Я очень тронут, но никакого юбилея я не хочу» *****.

Аналогичным образом обстояло дело и с другой датой — 80-летием со дня рождения В. И. Вернадского. Он и здесь был против каких-либо юбилейных торжеств. «Я слышал, — пишет он А. Е. Ферсману, — что Вы стоите во главе какого-то юбилейного центра в связи с моим восьмидесятилетием... Вы знаете, что заседания в связи с юбилеем не только чрезвычайно тяжелы для меня, но и всегда могут приводить или к катастрофам... или в огромном числе случаев полны фальши...»^{6*}

Когда Вернадскому исполнилось 80 лет, он находился еще в Боровом. И здесь он отказался от торжественных чествований,

* Письмо к Л. С. Бергу 12 мая 1940 г.

** Дневниковые записи. 1927—1928.

*** Письмо к Н. А. Умову 11 ноября 1913 г.

**** Письмо к В. И. Липскому 6 января 1936 г.

***** Письмо к Б. Л. Личкову 15 ноября 1936 г.

^{6*} Письмо к А. Е. Ферсману 3 декабря 1942 г.

которые намеревались организовать находившиеся там же его коллеги, заявив, что «придет только в том случае, если ему обещают, что, кроме научных докладов, ничего не будет»*. Об этом эпизоде Л. С. Берг писал: «Владимир Иванович, как и всегда, уклонился от публичного чествования, частью по присущей ему необыкновенной скромности, частью, вероятно, помня слова Гомера про “льстивые речи, не раз уловлявшие ум и разумных”»**.

Впрочем, В. И. Вернадский не отрицал того, что юбилеи имеют и свою небольшую позитивную сторону с чисто научной точки зрения, а именно — «они заставляют остановиться и подумать в сутолоке жизни о сделанной работе»***. <...>

ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ

Вернадский прожил долгую жизнь. Однако время было не властно над его мыслью — она не только не ослабевала, но, напротив, крепла и развивалась, шла все глубже и глубже, не теряя своей поистине юношеской свежести. Перед ученым возникали все более глубокие и фундаментальные научные проблемы, решение которых целиком захватывало его, приводило ко все новым выводам. Конечно, физически Вернадский дряхлел — участились болезни, резко ухудшились зрение, слух, наступали прочие старческие недуги. Но, как бы вопреки всем законам природы, для его духовной деятельности время словно оборачивалось вспять: старея телом, ученый одновременно молодел мыслью. Это обстоятельство отмечалось всеми, кто в течение долгих лет внимательно наблюдал за развитием творчества Вернадского (А. Е. Ферсман, Л. С. Берг, Н. Н. Лузин, В. Л. Комаров, А. П. Виноградов, Б. Л. Личков и многие другие).

Действительно, именно на последние годы жизни В. И. Вернадского приходится его наиболее глубокие работы по проблемам биогеохимии, радиогеологии, геологии, метеоритики и т. д. В этот период он задумывает свой основной труд «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», заканчивает монографию «Научная мысль как планетное явление», издает три выпуска «Проблем биогеохимии», подбирает материалы для «Пережитого и передуманного»... Продуктивность его научного творчества, невзирая на самую неблагоприятную порой обстановку,

* Палей-Ренгартен Е. В. Из воспоминаний о Владимире Ивановиче.

** Берг Л. С. Значение трудов В. И. Вернадского для географии. 1943.

*** Письмо к А. В. Павлову 4 мая 1941 г.

не только не снижается, но, напротив, идет неуклонно вверх.
<...>

Что же помогало ученому так долго сохранять творческую активность?

«НАУЧНЫЕ ОХРАНЯЮЩИЕ ПРАВИЛА»

Всех близко знавших В. И. Вернадского удивляла и приводила в восхищение строгая размеренность всей его жизни. «Всегда, — писал ему в 1909 г. В. К. Агафонов, — Вы читаете такую бездну и по таким разнообразным вопросам, что становится завидно: откуда Вы берете Ваше уменье — времени придавать длительность и день превращать в несколько дней?» * В. Э. Грабарь вспоминает: «В 1922 г. я возвратился в Москву. Мы снова стали чаще видеться. Домашний обиход у Вернадских остался прежний, строго аскетический... В беседах мы предавались воспоминаниям о прошлом, иногда Владимир Иванович рассказывал о своих работах в доступном для меня изложении; временами мы просто молча сидели рядом на диване; ни он, ни я не были словоохотливы. Наталью Егоровну (жена Вернадского. — И. М.) это веселило; она посмеивалась над нами, а мы чувствовали себя хорошо» **.

Разумеется, эта систематичность, размеренность повседневного уклада отнюдь не являлись чем-то самодовлеющим. Главное в жизни ученого, подчеркивал Вернадский, — это «систематичность и стремление понять окружающее» ***, цель, которой должно быть подчинено все остальное. Отсюда — неизменная строгость режима научной работы и всей обыденной жизни самого Вернадского. «Я бросил ночные работы, — писал он, — с моего переезда в Париж в 1922 г. и принял режим французский. Рано вставать и рано ложиться... Так как я хочу кончить свою книгу, то я веду строгий режим» ****. И далее: «Вставал всегда рано. Никогда не сплю днем и никогда не ложусь днем отдыхать, если я не болен. Не курю и никогда не курил, хотя моя семья — отец, мать и сестры — все курили. Не пью (кроме — редко — вина). Водку пил раз в жизни» *****.

* Ученые о В. И. Вернадском // Природа. 1963. № 3. С. 55.

** Грабарь В. Э. Воспоминания о В. И. Вернадском.

*** Ответы на вопросы анкеты об организации научной работы. 1943⁴.

**** Письмо к Б. Л. Личкову 8 апреля 1942 г.

***** Ответы на вопросы анкеты об организации научной работы. 1943⁵.

Сохранились многочисленные свидетельства очевидцев о стиле жизни и режиме научного творчества Вернадского. Но, пожалуй, наиболее исчерпывающую характеристику этой важной стороны его облика дал академик Н. Н. Лузин. В конце 1942 г. он писал Вернадскому: «Ваша изумительная работоспособность, без сомнения, стоит в связи с чрезвычайной регулярностью и неуклонностью в работе и жизни. Это — прекрасный пример для подражания и большой урок всем нам. Кроме Вас и покойного И. П. Павлова, я не знаю никого, кто бы столь неуклонно следовал, как стрелке компаса, научным охраняющим правилам»*.

ШИРОТА ДУХОВНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Цельность, ритмичность жизни, посвященной непрестанным творческим исканиям, у В. И. Вернадского не только не исключали, но, напротив, предполагали широту и разносторонность духовных запросов. Для него интересы жизни никогда не ограничивались лишь сферой естественных наук, но выходили далеко за их пределы — в область искусства, литературы, философии и т. д. Поэтому меньше всего Вернадский может быть уподоблен ученому-отшельнику, ушедшему в одну только свою науку и ничего, кроме нее, не ведающему.

Крайности аскетизма были ему глубоко антипатичны, как явно нарушающие здоровое, гармоническое развитие человеческой личности. «Я никогда не был, — писал Вернадский, — сторонником опрощения... Важно здесь другое — уменьшение, по возможности, услуг других для себя. В этом было главное зерно красивого в опрощении. Сверх того, *сознательность* и осторожность в тратах, основанная не на стяжательстве, а на сознании силы — благо при желании и правильном употреблении в деньгах, в трате их минимума для прихотей»**.

Чужда была Вернадскому и сытая мещанская «идиллия», жизнь без больших духовных идеалов и запросов. С одним из проявлений ее он столкнулся летом 1887 г., во время экспедиции в Смоленскую губернию. «Вообще, среда здесь, — описывает он жене свои впечатления о Рославльском уезде, — незавидная и уезд спит глубоким сном. Мне как-то невольно припомни-

* Лузин Н. Н. Письмо к В. И. Вернадскому 7 декабря 1942 г. См. также: Мочалов И. И. Историческая анкета В. И. Вернадского // Природа. 1967. № 9. С. 95—97.

** Письмо к Г. В. Вернадскому 17 июля 1912 г.

лась вся жизнь этого уезда, вся она, такая монотонная, бесцельная, горемычная и такая гадкая... При размышлении об этой жизни, о ее бесцельности, о ее заглушенности, о ее страдальческой спячке и толчении воды в ступе — становится невольно как-то тяжело, грустно и ужасно»*.

Вернадский постоянно стремился быть в курсе событий общественно-политической и духовной жизни, зачастую выступая как ее глубокий, тонкий и эмоциональный наблюдатель. Именно это и делало его увлекательным собеседником для каждого, кто с ним общался. «Мне очень тяжело и грустно утратить непрерывность духовного общения с Вами, — писал Вернадскому Лузин в 1940 г. — Сейчас таковое нужнее всего, и не только для меня лично...»**

Вернадского отличали исключительная целеустремленность, последовательность и этическая цельность. «Соображения нравственного характера, — подчеркивал он, — для меня и для научной творческой работы вообще — представляются неизблемыми и не допускающими искажения человеческой личности»***.

Науку Вернадский никогда не отделял от понятий «добра» и «справедливости», и, по существу, все его искания в ней носили ярко выраженный высокогуманистический характер. Эта моральная ценность и целеустремленность не оставалась у Вернадского втуне, она неизменно воплощалась в определенных практических действиях, которые зачастую далеко переходили границы сугубо научных интересов. Об этом свидетельствует, например, близкий друг Вернадского, профессор В. К. Агафонов: «Спаяло нас с Владимиром, несмотря на все наши различия, стремление к “правде-истине”, хотя и шли мы к ней различными путями. Когда борьба обострялась и сил на все не хватало, я оставлял на время работу по “завоеванию” истины и весь отдавался борьбе за правду. Владимир же сумел, ни на минуту не оставляя своих исканий истины, быть верным своей правде. О том свидетельствует его уход из состава профессоров Московского университета в 1911 г., протест против политики Кассо, доклад о необходимости изменения университетского устава, активная деятельность в земстве и т. д.»****. <...>

* Письмо к Н. Е. Вернадской 4 июля 1887 г.

** Лузин Н. Н. Письмо к В. И. Вернадскому 8 июня 1940 г.

*** Записка о неурожае 1921 г.

**** Агафонов В. К. Личные впечатления и воспоминания о Владимире Ивановиче Вернадском // Воспоминания о В. И. Вернадском (к 100-летию со дня рождения). С. 107⁶. О некоторых других сторо-

СЕМЬЯ

Громадную роль в жизни Вернадского сыграла семья. Дело не только в том, что обстановка тихой, спокойной семейной жизни создавала ученому все столь необходимые для его напряженной творческой работы условия. Гораздо более важным и существенным является то, что семья имела большое значение в процессе идейного развития самого Вернадского, а в ранние годы — и в становлении некоторых его научных и жизненных интересов.

Отец Вернадского — Иван Васильевич (1821—1884), широко образованный, либерально настроенный экономист, стяжавший себе известность, в частности, тем, что был противником крепостничества. Отец и двоюродный дядя ученого, Евграф Максимович Короленко, сумели сравнительно рано пробудить у Вернадского интерес к историческим и социальным наукам, философии, эволюционной теории Дарвина и т. д.

В детские годы определенное воздействие имела на него няня. «Ей обязан я, — вспоминал он впоследствии, — резким порицанием барства, которое она очень не любит, впервые узнал про освобождение крепостных и помню в детстве ее выговоры, если, будучи избалованным ребенком, грубо или резко говорил ей или прислуге: “Что ты это, теперь нет крепостных, нет бар — все люди” и т. п.»*.

Семья Вернадских с большим вниманием относилась к своему прошлому, стремилась сохранить память о непосредственных и отдаленных родичах у молодого поколения. «Семейные предания, — отмечал Вернадский, — имели в детстве на меня довольно сильное влияние»**. Этим, а отчасти также тем воздействием, которое оказала семья на духовное развитие Вернадского, объясняется его постоянный интерес к своей генеалогии. Так, в начале 1900-х годов он намеревается написать биографию своего отца, хотя в связи с загруженностью научной и преподавательской работой этот замысел остался неосуществленным. В статье «Из воспоминаний», написанной в 1943 г., Вернадский прослеживает свою родословную до 3–4-го поколений. «Моя

нах общественно-политической деятельности Вернадского (в Академическом союзе, Комиссии по изучению естественных производительных сил России и т. д.) см.: *Мочалов И. И.* Из писем Н. К. Кольцова к В. И. Вернадскому // *Генетика*. 1968. № 4. С. 155–157.

* Письмо к Н. Е. Вернадской 21 июня 1886 г.

** Письмо к Н. Е. Вернадской 29 мая 1886 г.

бабушка, — сообщил Вернадский в 1944 г., — Екатерина Яковлевна Вернадская, урожденная Короленко... Ее брат, Афанасий Яковлевич, был родным дедом писателя В. Г. Короленко. По семейным рассказам моего детства и юношества я из разговоров моего дяди Евграфа Максимовича Короленко, двоюродного брата моего отца, о котором Вы (П. Л. Драверт. — *И. М.*) можете прочесть у В. Г. Короленко в «Истории моего современника» (он умер в 1880 г.), знаю, что мой прадед Яков Короленко был человек широко образованный, был начальником таможни в Таганроге, где постоянно во время своих странствований в последние годы часто останавливался Александр I. Через него Евграф Максимович попал в Пажеский корпус»*.

Таким образом, В. И. Вернадский и В. Г. Короленко были троюродными братьями. В архивах мы не нашли непосредственной переписки между ними. Однако есть основания полагать, что они были знакомы друг с другом. В письмах В. Г. Короленко дочери Вернадского он передает ученому свои приветы.

Вернадский высоко ценил «Историю моего современника», где, «к удивлению своему, увидел целый ряд черт детства Владимира Галактионовича, которые чрезвычайно напоминают мои детские переживания»**. Прав, на наш взгляд, Л. С. Берг, указывая на то общее, что, помимо кровного родства, сближало этих двух выдающихся людей: взгляд на жизнь «как на дело любви к людям и к свободному исканию истины»***.

В 1886 г. В. И. Вернадский женился на Наталье Егоровне Старицкой, и с тех пор на протяжении более 56 лет их жизни были тесно связаны друг с другом. С самого начала между мужем и женой установились отношения редкого идейного единства и взаимопонимания, и свой долгий совместный жизненный путь супруги прошли, говоря словами самого Вернадского, «душа в душу, мысль в мысль». Наталья Егоровна целиком взяла на себя заботы о домашнем хозяйстве, всячески оберегая покой мужа, создавая ему все необходимые для научной работы условия⁷. Творческие интересы мужа всегда встречали у нее глубокое понимание и сочувствие. Она помогала ему, беря на себя переводы иностранной литературы и выполняя некоторую другую работу. В посвящении к одному из своих классических трудов Вернадский писал: «“Биогеохимические очерки” я посвящаю моей жене Наталье Егоровне, урожденной Старицкой, с

* Письмо к П. Л. Драверту 16 мая 1944 г.

** Письмо к С. В. Короленко 3 августа 1942 г.

*** Берг Л. С. Значение трудов В. И. Вернадского для географии. 1943.

которой мы прожили более 50 лет вместе, моей помощнице в работе, всегда неуклонно относившейся к жизни как к делу любви к людям и к свободному исканию истины»*.

Секрет столь гармоничной жизни супругов на протяжении более чем полувека раскрывается просто: оба они не ошиблись в своих чувствах, в понимании нравственной, человеческой сущности друг друга. Правда, вначале Наталья Егоровна некоторое время не решалась принять сделанное ей предложение, так как она была на два года старше Владимира Ивановича, что противоречило установившейся неписанной традиции. Эти и некоторые другие обстоятельства, конечно, волновали молодого Вернадского, но вместе с тем в связи с его решимостью создать семью с любимой женщиной они ставили перед ним и вопросы более общего социально-этического характера — о взаимоотношениях полов, о любви и ее природе, о положении женщины в обществе, о сущности семьи, ее настоящем и будущем и т. п., — вопросы, на которые ученый стремился найти оригинальный, нешаблонный ответ. С этой точки зрения характерно одно из писем Вернадского своей будущей жене:

«Я не могу любить нескольких одной и той же любовью и не думаю, чтобы кто-нибудь мог. Любовь — чувство цельное, она не допускает никаких сделок, никаких разделений. Я не понимаю, каким образом можно разлюбить человека, которого раз полюбишь, и мне кажется, что те, которые потом разлюбили, — никогда не любили: они увлеклись красотой или молодостью, может быть, иной раз находились под впечатлением минуты, под влиянием целого ряда случайно сложившихся обстоятельств. Но они не любили так, как мне это чувство представляется, когда оно составляет все, — перед ним исчезает все, оно обновляет, возрождает человека. И я на себе чувствую это возрождение, я уверен, верю, что не может оно пройти, так как слишком большую долю моей души оно задело... Не представляется ли Вам, что эти два года, которые Вас смущают, есть простое следствие одного из тех предрассудков, которыми мы с детства опутаны. Если бы чувство какого-нибудь человека было слабо или он ошибся в нем, то он так же легко может разлюбить и человека, моложе его хоть на десять лет, — и мы сплошь да рядом такие примеры видим. Мне кажется, что редкие случаи семьи, где женщина старше немного мужа, есть главным образом следствие той подчиненности, той приниженности женщины, какая еще так сильна у нас... Сама жизнь наша, кажется,

---

* *Вернадский В. И.* Биогеохимические очерки. М., 1940. С. 5.

должна исключать всякие такие сомнения. Мне теперь уже выясняется та дорога, те условия, среди каких пройдет моя жизнь. Это будет деятельность ученая, общественная и публицистическая. В разные эпохи разное может она выражаться, может преобладать та или иная сторона, но, во всяком случае, такая в сильной степени идейная и рабочая жизнь должна исключить все увлечения, все такие семейные драмы, которыми наполняют свои произведения французские и иные беллетристы и которые могут быть и бывают при малой искренности и незанятой голове тех, с кем они случаются. Мне теперь как-то представляется такая моя деятельность в тесной связи с деятельностью Вашей; здесь возможна и должна идти совместная работа, и в этом, как я Вам писал, кажется, представляется мне сила и значение семьи» *.

В 1887 г. у Вернадских родился сын Георгий (в настоящее время профессор русской истории одного из американских университетов), а в 1898 г. — дочь Нина (впоследствии видный психиатр). В феврале 1943 г. в Боровом ученого постигает страшное горе: неожиданно скончалась Наталья Егоровна. Стоически переносит он эту утрату. Внешне его жизнь остается прежней: наука, как это уже бывало и ранее, когда умирали близкие ему люди, вновь помогает Вернадскому устоять против последнего и самого тяжкого удара судьбы.

Смотря на смерть глазами натуралиста, Вернадский относился к ней спокойно и ровно, без всякого страха, работая так, как будто бы конца жизни и вовсе не существует. Но, неутомимый творец, гуманист и жизнелюбец, с надеждой смотревший на прогресс человечества, Вернадский никогда не мог примириться с мыслью о «нормальности» смерти, даже «естественной» кончины в глубокой старости, ибо она прерывает то, что ему было всего дороже — непрестанную деятельность мысли. <...>

* Письмо к Н. Е. Вернадской 6 июня 1886 г.